

- щенного «большим этнографическим материалом», связанным с жизнью «примитивных» человеческих сообществ.
6. ... Научное знание и мифотворчество... сс.53–56.
  7. Алматы: Евразия, 1993, сс.13–14.
  8. Впервые суждения, направленные на альтернативное объяснение некоторых феноменов, истолковываемых Л.Н.Гумилевым с помощью идеи пассионарности, автор статьи попытался дать в комментариях к книге «Лики Судьбы», опубликованной в московском издательстве «Знание» в 1997 г. Однако, видимо, в целях экономии, редакция эти примечания сократила. Пришлось выпустить две брошюры, на основе которых появился раздел в книге «В лабиринтах истории» (Костанай, 2006). Позже была опубликована статья «Проблемное поле и эвристический потенциал идеи пассионарности». – В кн.: Современные тенденции развития мировой культуры и цивилизации. 1-я часть. Человек в мире культуры. – Новосибирск, 2007.с.18 – 30.
  9. Цит. по: Таранов П.С. 106 философов. Т.2. – Симферополь: Таврия, 1995, с.477.
  10. Указ. соч., с.13.
  11. Там же, с.15.
  12. Там же, с.24.
  13. Там же, с.29.
  14. Кстати, феномены клановости и т.д. упоминаются и в самом исследовании (с.30), где они названы «остаточными моментами традиционализма», что уж очень напоминает советские клише о «родимых пятнах капитализма». Иными словами проблема ощущается, но до подступов к ее серьезному анализу еще далеко.
  15. Возможно, одна из реальных и очень болезненных проблем тут в том, что и «свобода», и «рынок» (со всеми его издержками) по большому счету могут быть пусть не безусловной, но реальностью лишь при наличии четких правил игры. Ведь свобода – не дитя хаоса, а обратная сторона порядка.
  16. ... Научное знание ... с.14.
  17. См., напр.: сс.140–141.

Бондаренко О.Ю., магистрант,
Московский государственный университет

МУДРЕЦЫ НЕОНОВОГО РЕНЕССАНСА: БУНТ БЕЗУМИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОНКОНФОРМИЗМА

В издательстве «Ультра. Культура» впервые на русском языке вышла антология поэзии битников. Событие знаменательное во всех отношениях. Не может не радовать полнота собранного материала: в одном томе представлены не только стихи самых ярких и менее известных американских поэтов-нонконформистов, но и литературные манифесты, критические статьи. Стоит отметить огромный труд составителей, переводчиков и комментаторов (иногда приводятся несколько вариантов перевода, как,

например, в случае со знаменитым «Воем» Аллена Гинзберга).

«BEAT» далеко не единственное проявление интереса к американским авторам «неонового ренессанса» в России в последние годы. На сцене «Ленкома» с 2005г. идет постановка культового романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Изданы переводы на русский язык более поздних романов и эссе писателя: «Порою нестерпимо хочется», «Демон Максвелла» и др. В 2000г. издательство «Амфора» опубликовало «Электропрохладительный кислотный тест»

Тома Вулфа – своеобразный литературный отчет о похождениях Кизи по Америке шестидесятых. В самой Америке роман «Пролетая над гнездом кукушки» стал частью школьной программы, несмотря на далекий от идеалов политической корректности язык. Что стоит за востребованностью литературы нонконформизма спустя полвека после ее появления? Эпатажность контркультуры? Чем сегодня сладок давно не запретный плод вседозволенности «импровизированной прозы» и «психоделической поэзии»?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно понять, против чего восстают проповедники нонконформизма в американской литературе того периода. В самом понятии «*нонконформист*» (*не-подтверждатель*) заложена идея бунта. Идея, провокационная с точки зрения американского общества 1950-ых, но отнюдь не с точки зрения истории американской философии, где уже в девятнадцатом веке она стала ключевой для трансценденталистов Уолдо Эмерсона и Генри Дэвида Торо. Достаточно упомянуть небольшое по объему, но емкое по содержанию философское эссе Торо «О гражданском неповиновении» (1849), вдохновлявшее, к слову, не только американских битников, но и Льва Толстого, и Махатму Ганди.

Философы-нонконформисты XIXв. ставят под сомнение рациональность требований общества и безусловную власть государства. Так, Эмерсон обращается с открытым письмом к президенту США с протестом против изгнания с исконных земель племени чироки. «Гражданское неповиновение» Торо начинается с того, что он попадает в тюрьму за отказ платить налоги, с прибыли от которых покупаются ружья для войны с Мексикой и поддерживается рабство. Это концептуальный отказ от сотрудничества с государством, нарушающим высшие принципы «естествен-

ной справедливости»: «При правительстве, которое бросает в тюрьму невиновных, настоящее место для честного человека – тюрьма». Антитеза двух оксюморонов «честный преступник – преступный закон» чрезвычайно важна для понимания идеи Торо, и будет впоследствии воплощаться в американской культуре протеста, в том числе в романе Кизи, где государство будет по-прежнему изображаться пожирающей отдельных людей машиной и превращающей в своих доктринах черное в белое. Этим важна для нас американская литература протеста, ведь в русской культуре нет философского обоснования нонконформизма, не сложилось идеологической традиции, в которой личностное начало было бы более ценно, чем государственное, сословное, общественное.

Сам Кен Кизи будет арестован за хранение марихуаны – новый век приносит новые формы протеста, пафос трансценденталистов сменяется бунтом юродствующего «кислотного поколения». Но шутовские «воздурения» битников, если использовать слово Д.С. Лихачева, ничуть не хуже справляются с задачей низложения авторитета власти, чем философские эссе и публичные лекции их предшественников. В психиатрической больнице, где происходит действие «Полета над гнездом кукушки», идет поединок за звание «пахана-дурака», когда главный герой Макмёрфи и его противник соревнуются в «ненормальности»:

«– Можешь честно предупредить его, что я главный псих отделения уже два года и ненормальнее меня нет человека на свете.

– Мистер Биббит, можешь предупредить вашего мистера Хардинга, что я такой ненормальный, что голосовал за Эйзенхауэра.

– Биббит! Скажи мистеру Макмерфи, что я такой ненормальный, что голосовал за Эйзенхауэра дважды.

– А ты передай в ответ мистеру Хардингу, – он кладет обе руки на стол, наклоняется и говорит тихим голосом, – я такой ненормальный, что собираюсь голосовать за Эйзенхауэра и в нынешнем ноябре!

– Снимаю шляпу, – говорит Хардинг, наклоняет голову и жмет Макмерфи руку».

Амбивалентность шутовства у Кизи в том, что «безумные» речи показывают на безумство не столько самих «безумных», сколько на безумство «мудрых» мира. Если верность правительству Эйзенхауэра – критерий ненормальности, что можно сказать об этом правительстве? Идея о родстве власти и сумасшествия, должно быть, возникла вместе с первым правительством и возрождалась в каждую эпоху, вместе с сознанием того, что вслед за безумным правительством обезумел и весь народ. Например, философ И. А. Ильин в свое время писал, что аббревиатуру «РСФСР» нужно истолковывать как «Редкий Случай Феноменального Сумасшествия Расы». С переименованием Санкт-Петербурга в Ленинград, старое обозначение «СПб» по-новому стало расшифровываться как «специальная психбольница». Шутовское восприятие власти связано с пограничным сознанием безумия: если безумию так свойственна мания величия, не есть ли сознание собственного величия признак безумия?

Кизи играет с этой антиномичностью безумия. Один из пациентов больницы, Хардинг прямо говорит о неком «могуществе безумия»: «Мы сумасшедшие из больницы на шоссе, из психокерамической, треснутые котелки человечества. Желаете проверить меня на тесте Роршаха? Нет? Вы торопитесь? Ах, уехал. Жаль... никогда не думал, что душевная болезнь придает человеку некое могущество – могущество! Подумать только: неужели, чем безумнее человек, тем он

может быть могущественнее? Пример – Гитлер...». Хардинг даже предлагает создать Национальную ассоциацию душевнобольных, чтобы оказывать давление на Конгресс, развесить на шоссе афиши «с изображением губошлепа шизофреника за рычагами стенобитной машины, и крупно, зелеными и красными буквами: НАНИМАЙТЕ БЕЗУМНЫХ». Над словами Хардинга можно было бы искренне посмеяться, если бы в них не было доли «безумной» правды, подтвержденной многими примерами западной и отечественной истории.

Атмосфера безумия американского общества передает поэзия Аллена Гинзберга, который вместе с Джеком Керуаком был основателем движения битников. Поэма «Вопль» ('Howl', 1955) Гинзберга, ставшая первым поэтическим манифестом контркультуры, начинается строкой: «Я видел как лучшие умы моего поколения пали жертвой безумия...» (пер. И. Кормильцева).

В стихотворении «Америка» создается замечательный образчик ироничного поэта в обществе потребления: «Америка как же я напишу священную литанию когда у меня твой глупый настрой? Я буду и дальше как Генри Форд штамповать мои строфы такие же / индивидуальные как его тачки и даже больше они у меня все разного пола / Америка я продам тебе строфы 2500\$ штука 500\$ скидка на твои залежалые строфы» (пер. Д. Борисова). Гинзберг показывает, как формируются ценности его общества: «Ты что же позволишь журналу «Тайм» управлять своими эмоциями?». Гинзберга пугает бездушная технократическая цивилизация: «Что за сфинкс из бетона и алюминия разможил им черепа и выгрыз / оттуда мозги и воображение?». Безумства нонконформизма – попытка противопоставить себя обществу, отдавшемуся власти агрессивной, опустошаю-

щей рациональности: «Молох, чья любовь – без конца нефть и камни! Молох, чья душа – / электричество и банки! Молох, чья нищета как призрак таланта! / Молох, чья участь – облако бесполого водорода! Молох, чье имя – / Рассудок!». Образ Молоха у Гинзберга воплощает все слои общества потребления, критике подвергается не только власть, но и сами ценности массового сознания.

С грустной насмешкой Гинзберг зовет своего духовного отца Уолта Уитмена прогуляться с ним по современной Америке, но не находит лучшего места для «одинокого учителя мужества», чем супермаркет: «Я слышал, как ты задавал вопросы: Кто убил поросят? Сколько стоят / бананы? Ты ли это, мой ангел?» («Супермаркет в Калифорнии», пер. А. Сергеева). Уитмен приходит в гинзберговскую Америку, чтобы увидеть изобилие материального и обнищание духовного: «Жены у гор авокадо, дети / среди помидоров! – и ты, Гарсия Лорка, что ты делал среди арбузов?».

Антитеза внешнего могущества и внутренней мертвенности появляется и в «Сутре Подсолнуха» в образах засохшего цветка на железной дороге и паровоза, воплощающих Америку. Водрузив рядом с собой, как скипетр, «скелет Подсолнуха», поэт объявляет себе и миру об истинной сущности человеческой личности: «Мы не грязная наша кожа, мы не страшные, пыльные безобразные паровозы, все мы душою прекрасные золотые подсолнухи...» (пер. А. Сергеева).

Поэзия битников, по форме родственная джазовым импровизациям, зачастую представляющая из себя галлюциногенное бормотание, напоминающая несдерживаемый поток ассоциаций у пациента на сеансе психоанализа по методу Фрейда и Лакана, порождает потрясающие по силе образы и позволяет услышать «язык безумия» в литературе, о котором пи-

сал Мишель Фуко. В духе традиций Эмерсона и Торо литература нонконформизма поднимает вопрос о бунте против норм и ценностей общества потребления. В более широком, философском смысле это бунт против навязываемых стереотипов мышления, способов восприятия действительности и собственной личности. Протест против того, что общепринято считается разумным, правильным, логичным, а иногда и законным.

В этом контексте логично говорить о литературе нонконформизма как о части движения антипсихиатрии и психоделической революции. Контркультура – проповедница мескалина и ЛСД породила принципы «импровизированной прозы» Джека Керуака и поэзию измененных состояний сознания Грегори Корсо, Боба Кауфмана, Майкла Макклера и Дианы ди Прима. Их творения, явление во многом скорее социальное, чем литературное, стали бунтом первобытной свободы против современной закрепленности общественными рамками. В них отразилась потребность общества в источнике нового духовного знания, не «передаваемого по телику», не «управляемого журналом «Тайм». В поисках этого источника битники обращаются к самым разным культурам – достаточно того, чтобы на тот период они представляются противоречащими всему обыденному, экзотическими, *иными, безумными*. Негритянский джаз беднейших кварталов, индейский наркотик из кактуса, «инсайт» психоанализа или японское «сатори», о котором пишет Джек Керуак, – очень много что может стать дверью в состояние творческого транса.

Есть еще одно условие, чтобы попасть в эту дверь безумной мудрости нонконформизма. Парадоксально, но отказ от подчинения большинству часто оборачивается необходимостью какого-либо иного подчинения. Контркультура во многом основана на под-

ражании авторитетам, что Керуак, ставший одним из них, показал в начале романа «На дороге». Его путь начинался с того, что он «тащился» за своими гениальными друзьями ('shambled after'). Гениальность их заключалась в отвержении всех правил и «безумии»: «единственно существующие для меня люди – это безумцы; те, кто сходят с ума, чтобы жить, чтобы говорить, чтобы быть спасенными, жаждущие всего сразу и одновременно...». Лидеры «безумства» собирают вокруг себя легионы фанатов и отвоевывают власть у «мудрого» правительства в шутовских битвах.

Однако так ли много должно пройти времени до того, как бунтарь, неформальный лидер станет столь же авторитарным как те, против кого он выступает? Не становится ли рано или поздно бунт против конформизма игрой, разыгрываемой по правилам того же конформизма? В какой момент отрицание всех норм переходит в создание новой нормы (антинормы)? И на-

конец, насколько возможна контркультура без культуры? Однозначных ответов не найти, важна сама способность показать бунт в его антиномичности. Может быть, именно она и делает литературу американского нонконформизма ценной для нас сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beat. Антология поэзии битников. М.: Ультра. Культура, 2004.
2. Wolfe, Tom. The Electric Kool-Aid Acid Test. New York: Farrar, Strauss, and Giroux, 1968.
3. Thoreau H. D. Walden, or Life in the Woods, and On the Duty of Civil Disobedience. New York, 1965.
4. Покровский Н.Е. Генри Торо. – М.: Мысль, 1983
5. Кизи Кен. Пролетая над гнездом кукушки. СПб.: Азбука-классика, 2004. Пер. В. Голышева. С. 41–42.
6. Kerouac Jack. On the Road, 1955. New York: Penguin books, 1991, p.8. Перевод автора статьи.

Горелина И.Ю., магистрант,

Костанайский государственный педагогический институт

ПСИХОАНАЛИЗ И ЛИТЕРАТУРА: ОТ ТЕОРИИ З.ФРЕЙДА К ПСИХИАТРИЧЕСКОМУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ В.П.БЕЛЯНИНА

Литературоведение, как и любая другая наука, развивалось и развивается на фоне противоборства различных направлений и школ. Каждое направление переживало подъем, пик популярности и постепенный спад (иногда на время переходящий в полное забвение). Логика науки такова, что всегда существует преемственность и последовательность: ни одна идея не возникает сама по себе в отрыве от общих научных тенденций определенного времени, также как и ни одна идея не обречена на то, чтобы быть стертой из истории науки.

Существуют такие междисциплинарные концепции (теории, идеи), которые, появившись в одной науке, активно используются в других. Так, открытие А.Эйнштейна вызвало изменения не только в смежных науках, но и в тех науках, которые на первый взгляд совсем не связаны с физикой.

Концепция восприятия мира как системы позволяет рассматривать один и тот же объект как результат взаимодействия множества аспектов действительности (бытия). И чем сложнее объект, тем большее количество аспектов необходимо принимать во внимание в процессе его изучения.